

ПРИЕМ ЛАТВИЙСКОГО ПОСЛАНИКА

26 января 1935 года.

Бильманис, просившийся ко мне еще во время моей болезни, был принят мною 26-го и вручил мне, с ссылкой на поручение Латпра, прилагаемую ноту по делу Биссенекса. Во время чтения ноты я отметил несколько содержащихся в ней неточностей, которые Бильманис частью поспешил признать.

Когда я закончил чтение ноты, Бильманис сказал мне, что, по мнению Латпра, "моральной сатисфакцией" ^{бы} необходимой в данном случае могло бы быть возвращение Биссенекса хотя бы на короткое время в Ленинград.

Я ответил, что могу лишь подтвердить посланнику то, что в аналогичной беседе, хотя и не совсем официального характера, заявил Вельдманису тов. Литвинов в Женеве, Латпра "ставит вещи на голову": "моральную сатисфакцию" имеем право требовать мы, а не Латвия. Представитель Латвии вошел в сношения и оказал поддержку важному государственному преступнику - террористу. Согласно международных обычаев Совпра могло с самого начала потребовать не только немедленного отзыва Биссенекса, но также и удовлетворения, - например, в виде извинения Латпра и обещания принять меры к более осторожному подбору своих консулов с тем, чтобы подобный случай не повторился в будущем. Как я заявил посланнику при первой же беседе по этому вопросу, Совпра, не желая обострять отношения с Латвией, ^{однако,} решило ограничиться требованием немедленного отзыва Биссенекса. Вместо признательности за такую позицию Совпра, Латвийская сторона ~~инициала~~ ^{организовала} на своей территории своеобразное следствие по вопросу, выясненному Верховным Судом Союза ССР, а теперь требует от нас "моральной сатисфакции". Само собой разумеется, о возвращении Биссенекса в Ленинград не может быть и речи. Требование "моральной сатисфакции" я должен решительно отвергнуть и выразить изумление по поводу самой его постановки.

Бильманис пространно доказывал невозможность "оставить это дело так". Пережевывая на все лады содержание врученной ноты, он стремился убедить

меня в том, что заявления Николаева опровергнуты фактами, что таким образом Биссенекс реабилитирован, и что мы должны признать, что произошла ошибка и принять минимальное пожелание латпра относительно возвращения Биссенекса, хотя бы на короткое время, в Ленинград с тем, чтобы с него и с латпра был смыт позор, которым их, в связи с этим "оговором" Николаева, покрыли. Особенно настаивал Бильманис и много раз повторял те обстоятельства, что документально / посредством пометок наших контрольных выездных органов / доказано, что единственная служащая латвийского консульства - бухгалтерша отсутствовала из Ленинграда 20-го сентября, когда, по утверждению Николаева, он был принят Биссенексом в присутствии секретаря. Другим объективным доказательством является то, что в книге консульства не обнаружено ни одного единственного расхода в 5 тысяч рублей за 1934 год. И, наконец, в-третьих, поскольку бухгалтерша категорически отрицает все заявления Николаева, получается такое положение, что против утверждений одного заведомого преступника имеются противоположные утверждения Биссенекса - незапятнанного и всеми уважаемого в Латвии человека, и бухгалтерши, которая в данном случае является посторонним человеком и безпристрастным свидетелем. По всем судебным нормам надо признать, что "оговор" Николаева не подтвердился и не соответствует действительности.

Я отвечал в решительной форме, что для меня с самого начала было ясно, что Биссенекс будет все отрицать. Иначе, конечно, и быть не могло. Консул, идущий на подобное преступное деяние, конечно, не будет потом в нем сознаваться, перед лицом того государства, против которого были направлены его действия. Что касается бухгалтерши, то, если она действительно все отрицает, приходится предположить, что она говорит неправду. Во всяком случае, я имею, с одной стороны, результаты судебного следствия Верховного Суда СССР, а с другой стороны, непроверенные нашими судебными органами сообщения, которые мне передает посланник. Само собой разумеется, что для меня фактом является то, что установлено Верховным Су-

дом, а не эти сообщения.

Б. все время возражал, что нельзя верить больше бездоказательному заявлению преступника, чем установленным фактам и заявлениям под присягой двух незапятнанных граждан.

Я отвечал, что считаю бесполезной подобную дискуссию и что не могу согласиться с самой постановкой вопроса с латвийской стороны. Я спрашивал посланника, может ли он себе об"яснить, почему Николаеву понадобилось делать "оговор" на Биссенекса.

Б. сказал, что, повидимому, Николаев хотел этим облегчить свою участь.

Я рассмеялся, сказав, что даже ребенку было бы ясно, что и подобным "оговором" он не облегчает, а именно отягчает свою участь.

Б. не нашелся, что ответить, и просто развел руками. В заключение он, говоривший во время всей беседы в очень мирном тоне, стал уже умоляющим голосом просить меня сделать что-нибудь, чтобы закончить это дело: нельзя-де его "жак" оставить.

Я повторил ему данный мною ранее ответ.

Б. спросил, что же ему сообщить в Ригу.

Я рекомендовал сообщить то, что я сказал.

Тогда Б. сказал: "В таком случае не взывайте, но мое правительство не может этого дела оставить так, и оно вынуждено будет принять другие меры".

Я ответил, что мы, вероятно, тоже не останемся в долгу, и вновь сказал многозначительно, что у нас есть и другие сведения относительно деятельности Биссенекса на нашей территории.

Б., как и в прошлый раз, просил дать ему эти сведения.

Я сказал, что мы используем их тогда, когда найдем это нужным.

Разговор закончился сухо и натянуто.

мм/ао-10 экз.
1-2 в дело, 3-тов.Л, 4-тов.Кр,
5-1 30, 6-Рига, 7-8-т. Сталину,
9 - т. Молотову и 10 - т. Ворошилову.

/Б. Стомоняков/